

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕЛЬСИНГФОРСА ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Формирование героических символов стало одним из ключевых инструментов воздействия как на российских военнослужащих, так и на население Финляндии в качестве одного из феноменов массового сознания. В статье рассмотрены различные аспекты политической жизни русской армии и флота в Финляндии в начальный период российской революции 1917 г., особое внимание уделено проблемам долговременного семиотического присутствия империи в городском пространстве финляндской столицы и особенностям восприятия общественными силами друг друга в изменившейся обстановке. Весной 1917 г. прежние символы самодержавной России либо трансформировались, либо уступили место новым революционным эмблемам и символам, хорошо понятным как военным, так и гражданскому населению. Изобретенные «образы» потенциальных врагов в новой политической ситуации 1917 г. навязывались и российским военнослужащим, и финляндцам, особенно образ внутреннего классового врага — «буржуазии». Автор делает заключение, что политический переворот сопровождался здесь революцией символов.

Ключевые слова: российская революция, 1917 год, Финляндия, городское пространство, военнослужащие, финляндцы, политическая культура, символы.

E. Dubrovskaya

CITY SPACE OF HELSINGFORS VIEWED BY RUSSIAN MILITARIES AND SYMBOLIC COUP IN 1917 REVOLUTION

Forming of heroic symbols as a phenomenon of mass consciousness become one of the key instruments which influenced both the Russian troops and the population of Finland. The paper dwells upon various aspects of the political life of the Russian Army and Fleet in Finland at the beginning of the Russian Revolution of 1917. A special attention is paid to the problems of a long-term semiotic presence of the Empire in the city environment of the Finnish capital and to the peculiarities of mutual perception in the new social atmosphere. In the spring of 1917, the previous symbols of the autocratic Russia were either transformed or gave way for new revolutionary emblems and symbols common to the servicemen and civilians. The invented «images» of potential

enemies were imposed on the Russian troops and the Finns in the changing political situation of 1917, especially of an internal class enemy — «the bourgeoisie». A conclusion is made that the political coup was accompanied by the revolution of symbols.

Keywords: Russian revolution, 1917, Finland, town space, servicemen, the Finns, political culture, symbols.

Настоящее исследование является продолжением серии публикаций, предпринятых в связи с изучением политической топографии столицы Финляндии — г. Гельсингфорса (совр. Хельсинки) в период Первой мировой войны [18, с. 385–398; 19, с. 267–295; 20, с. 78–91]. Территория автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского, к счастью, не стала театром военных действий, хотя здесь, на северо-западном рубеже воюющего государства, в 1914–1917 гг. постоянно увеличивался контингент российских войск, призванных защитить подступы к имперской столице Петрограду в случае появления опасности с запада.

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах военных позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи.

Одним из аспектов окружавшей их реальности стало городское пространство финляндской столицы — г. Гельсингфорс (Хельсинки). Уже в первые дни и недели развития событий российской революции 1917 года город все очевиднее утрачивал статус имперского центра автономного Великого княжества Финляндского, а его топографический текст в соответствии с традициями городской политической культуры наполнялся новым символическим со-

держанием, вбирал в себя продиктованную временем символику преобразования действительности, нуждался в переосмыслении.

Война разрушала традиции имперской политики, параллельное существование в Финляндии гражданских и военных властей вело к постоянным столкновениям и к обратному противодействию финляндской гражданской администрации всех уровней начинаниям и требованиям военных. В обстановке революционных потрясений многое во взаимоотношениях жителей Гельсингфорса и военнослужащих определялось стихийными настроениями матросов и солдат, сошедших с кораблей, вышедших из казарм на улицы столицы Финляндии.

В данной работе ставится задача — исследовать, как складывались взаимные представления финляндцев и российских военнослужащих весной 1917 г. и как политический переворот сопровождался переворотом в области символов. Это открывает перспективы дальнейшего изучения роли военного фактора в истории России начала XX в. и исследования особенностей восприятия российских военнослужащих гражданским населением империи. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы — они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьем» — представителя чужой культуры — интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии [21, с. 259–578].

Проблема контактов российских военных с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия,

возникавшие между ними, и представления, складывающиеся друг о друге, еще не становились предметом специального изучения, поэтому представляется необходимым обратиться к этой весьма острой проблеме, которую долгое время российские историки обходили молчанием.

Изучение властных символов и политического символизма как особого явления стало в отечественной науке предметом пристального внимания историков лишь в последние годы, тогда как прежде символика рассматривалась главным образом в рамках этнологии, религиоведения, лингвистики и литературоведения [13; 14, с. 23–43; 16; 23; 25; 30, с. 9–14].

Первые сведения о событиях Февральской революции в российской столице просачивались в Финляндию в виде слухов и порождали страх, тревогу и неуверенность. Поиск «врага» переносился извне внутрь окружения военных, и врагом мог оказаться каждый. Еще в полдень 3 марта матросы береговой роты минной обороны, не получившие официальных сведений о происшедшем в Петрограде, собрались во дворе казарм, чтобы выйти в город на демонстрацию. Однако командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин запретил любые манифестации, мотивируя это распоряжение тем, что в городах Финляндии «население нерусское», и демонстрации военных могут «послужить соблазном для населения» [6, с. 29]. Именно матросы в первые мартовские дни 1917 г. воспринимались офицерами как главная угроза порядку и спокойствию в городе.

С утра 4 марта в центр великокняжеской столицы стали стекаться колонны рядовых военнослужащих. Их прохождение через «сакральные» точки пространства города стало явным нарушением приказа высшего флотского начальства. Это была демонстрация символической «сопричастности» к революционным событиям в Петрограде и формой протеста против недостаточного информирования о них командующим, ко-

торый попытался удержать матросов и солдат «вне политики».

Комплекс улиц, площадей и архитектурных сооружений городского центра, отмеченных имперской символикой, прежде использовался финским национальным движением для осуществления протестных действий. Подобные выступления связывались прежде всего с Сенатской площадью. Особое отношение восставших солдат и матросов к этому объекту городской среды связано с памятью о том, что именно здесь в начале XX в. проходили «сходки у памятника Александру II» — демонстрации финляндцев против мер, принимавшихся генерал-губернатором Н. И. Бобриковым, ревностным проводником политики русификации. Для разгона таких демонстраций он использовал казаков, что вызвало невиданное обострение конфликта между финнами и российскими военнослужащими. [28, с. 52; 29, с. 225–236]. Занятая восставшими, эта площадь воспринималась как место, лишенное былой святости, но конструировавшееся как новая «святыня».

В дневниковой записи машинного унтер-офицера миноносца «215» П. Н. Свищулева сохранилось свидетельство о приходе Абоского полка (т. е. размещенного в Абоских казармах в центре города, частично сохранившихся в комплексе зданий современного автовокзала. — *Е. Д.*) «со всем составом офицерства во главе, с полковой музыкой и красными знаменами, пулеметами, артиллерийскими орудиями» [1, с. 37-а].

Трагические события 4 марта 1917 г. в Гельсингфорсе — на главной базе Балтийского флота, стоившие жизни десяткам офицеров, не могли не повлиять на отношение оставшихся в живых офицеров и их близких к городу, который стал восприниматься как место совершения безнаказанного злодеяния. Об этом свидетельствуют письма и воспоминания А. В. Тимиревой. В 1915 г. она была покорена мирной атмосферой Гельсингфорса, но после известий о

кровавых эксцессах в марте 1917 г. стала испытывать резкую антипатию к городу: «я так жалела, что не приходится жить в Гельсингфорсе; сейчас я не могу думать о нем без отвращения после безобразных и нелепых убийств, арестов, издевательств над мертвыми. Весь этот город кажется чем-то мрачным и враждебным, и я не хотела бы его видеть» [9, с. 182].

С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной задачи — защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнослужащих утратила смысл и одна из прежних задач — напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок.

В соответствии с традицией городской политической культуры, рядовые стремились проводить митинги и шествия в центральной части Гельсингфорса — там, где располагалась бывшая царская резиденция, правительственные здания, модные магазины, кафе и рестораны, где собирались высокопоставленные чиновники, офицеры, промышленники и коммерсанты. Эта территория воспринималась как место нахождения социального противника, которое необходимо было завоевать, освоить, сделать «своим» [24, с. 327–341].

С конца XIX в. фланировать по парку Эспланады мимо памятника Рунеберга считалось модным и свидетельствовало об определенном социальном статусе прогуливавшихся. Во время революции именно эта улица, место праздного времяпрепровождения «богачей», стала оппозицией митинговой стихии Сенатской площади.

Такое восприятие Эспланадной улицы не изменилось даже после того, как в мартовские дни ее пространство оказалось «присвоенным» восставшими.

Примечательно, что именно пространство возле памятника Рунеберга, а не Сенатская площадь, весной 1917 г «освоенная» российскими военнослужащими, стало местом проведения манифестаций финнов,

в частности, во время их совместной демонстрации с делегацией французских социалистов под руководством Ж. Кансона [4, 11 апр.].

Помимо Сенатской площади, «сакральной» точкой на плане Гельсингфорса оказалась и Вокзальная. Вокзал — ворота и лицо города — связывал военных и жителей бывшей великокняжеской столицы с «внешним миром», прежде всего — с Петроградом, центром революции. Здесь 4 марта состоялась торжественная встреча депутатов Государственной думы кадета Ф. И. Родичева и социал-демократа М. И. Скобелева, ставшая фактически первым праздником революции в Гельсингфорсе. Товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Скобелев, особенно тепло встреченный, восторженно оценивал изменения в отношениях между россиянами и финляндцами и подчеркивал, что теперь это «не связь деспотизма, а братские объятия двух свободных народов».

Облик Скобелева, который соответствовал образу «посланца революции», Звонарев описывает подробно и уважительно, а относительно Родичева ограничивается замечанием, что «ура» кричали и ему. Различное отношение к делегатам проявилось и в том, что им оказали разные почести: когда ораторов бережно усадили в автомобиль, «новый экстаз радости вдруг охватил всех, сотни, тысячи рук опять потянулись к автомобилю, и в ту же минуту Скобелев, осененный революционным знаменем, на руках двинулся к площади» [8, с. 22].

Ритуальный характер «священного» освоения манифестантами пространства Вокзальной площади с живым символом революции на руках соотносится не только с демонстрацией преемственности революционных традиций и связи между Гельсингфорсом и Петроградом. Флотский обычай качать отличившегося командира корабля и обносить его на кресле «с криками "ура" по всему кораблю, не пропуская

машинного отделения и кочегарок», соблюдался матросами крейсера «Баян» даже накануне Октября [10, с. 109]. Но с весны 1917 г. такие отношения между командами и командирами были исключением на фоне взаимного недоверия рядовых и офицеров, неприязни, подпитывавшейся памятью о кровавых эксцессах мартовских дней.

Неотъемлемой приметой революционного времени становился автомобиль. В представлениях рядовых военнослужащих он был принадлежностью «господ» и «буржуев». В этом качестве он упомянут в письме пехотинца 428-го Лодейнопольского полка Г. Шеина, который в августе 1917 г. призывал солдат и матросов не слушать лиц, «натравливающих» их друг на друга, а обратить свои «пули и штыки» против «тех, с кем мы боремся, кому дороги роскошные кресла и автомобили» [3].

При помощи этого отчужденного у социального врага атрибута упрощалась задача «освоения» новых пространств города. Если увиденного депутатом финляндского сейма Теклой Хултин убитого генерала — символ старого и «чужого» мира — везли на санях [11, с. 179–180], то посланцы Петрограда, олицетворявшие связь с революционной столицей, — от депутатов думы до министра юстиции А. Ф. Керенского, весной 1917 г. дважды официально посетившего Гельсингфорс, — неизменно появлялись перед военнослужащими и горожанами на автомобиле.

* * *

Политический переворот воспринимался как ритуально-праздничное действие, в которое включалось городское пространство. Трансформация старого в новое коснулось и самого консервативного из ритуалов — похорон жертв революции 17 марта. Необходимо было создать новую городскую святыню — могилу павших героев. Захоронение вне традиционных городских кладбищ было уникальным для Гельсинг-

форса, но вписывалось в контекст новой общероссийской политической культуры, которая только начинала формироваться [22, с. 215]. Депутаты Совета хотели добиться согласия финляндских властей на захоронение «борцов, отдавших жизнь за свободу», на одном из «священных» пространств города — на Вокзальной или на Торговой площади, перед бывшим царским дворцом. Однако выбор был признан неудачным: на площадях периодически разворачивалась рыночная торговля. Затем предлагались и традиционные места (Старое кладбище на Бульварной улице, территория парка Кайсаниemi), и самая высокая точка города — Обсерваторская горка, скалистая возвышенность, неудобная, однако, для ведения взрывных работ. Выбор пал на старый форт в Брунспарке, вблизи залива.

Выбор нетрадиционного места захоронения и отказ от соблюдения установленного ритуала стали отрицанием привычной нормы для того, чтобы полностью обновить мир и правила поведения в нем. Нормативный характер церемонии предусматривал участие в ней не только воинских подразделений, но и гражданских манифестантов. Разрешение на освобождение от участия в похоронах руководители должны были испрашивать заранее, мотивируя причины. Так, директор русской Александровской гимназии за десять дней обратился в Исполком Совета с просьбой из-за сильных морозов освободить учащихся от присутствия на демонстрации в день похорон жертв освободительного движения [1, с. 110б]. Но занятия в русских школах в этот день отменялись.

Для участия в похоронах «жертв революции» на берег было уволено до трети экипажей 1-й бригады линейных кораблей [12, с. 160]. Финские трамвайные служащие приостановили движение трамвая, учитывая многолюдность предстоящей демонстрации. После проведения манифестации командующий флотом вице-адмирал

А. С. Максимов отмечал, что в церемонии погребения, прошедшей в образцовом порядке, приняли участие до 120 тыс. человек. Это было отмечено командующим и депутатами Совета как проявление «полного единения всего местного населения и воинских частей». Вслед за этим, выступая на заседании исполкома Совета, Максимов сообщил «приказ» Временного правительства о «полной амнистии финляндскому народу по всем политическим делам» [4, 23 и 24 марта].

Похоронный ритуал подразумевал обращение к сакральным образцам поведения. Он требовал подтверждения верности памяти героев — участников восстания в крепости Свеаборг в июле 1906 г., поддержанного финскими красногвардейцами. Культ героев, ставших жертвами репрессий самодержавия, напоминал об истории революционного движения в финляндских войсках и его связях с протестными действиями финнов. Пространству города предстояло стать местом увековечения памяти 28 расстрелянных. Наряду с подготовкой исторического очерка о ходе восстания комиссия депутатов Совета была уполномочена определить место казни, установить временный памятник, а также назвать артиллерийские батареи именами героев Свеаборга [4, 31 марта].

Военнослужащие ожидали сооружения памятников новым героям и отмечали революционные праздники, а их отношение к старым имперским символам становилось все более негативным. Это могло сказаться и на судьбе памятника Александру II. В начале апреля Исполкому Совета пришлось принимать меры к «пресечению беспорядков и бесчинств, учиняемых бродячими толпами военных». Во время одного заседания стало известно, что «группы неорганизованных солдат, матросов и гражданских лиц намереваются уничтожить памятники и другие произведения искусства, напоминающие о временах царизма». В исполком доставили аресто-

ванную женщину, выступавшую перед толпой с призывами против попыток уничтожения памятника Александру II. Для охраны памятника начальник секции охраны народной свободы выслал дежурный взвод [4, 13 апр.].

Депутаты постановили отпечатать обращение «для самого широкого распространения» и опубликовать в «Известиях» воззвание, предостерегающее от актов вандализма «со стороны лиц, которые подстрекают несознательных людей, не понявших сущности настоящей свободы, вмешиваться в личные дела финляндского народа» и «уничтожать памятники, принадлежащие Финляндии», а также «ходить по базару с оружием в руках, требуя уменьшения цен на продукты и совершать прочие недостойные своего народа поступки» [4, 8 апр.]. Воззвание разъясняло, что памятники являются собственностью «чужого народа, теперь автономного», и не уничтожать их, а, наоборот, охранять «должен каждый сознательно понимающий свободу российский гражданин» [17, с. 64–65; 25, с. 136]. Депутаты напоминали, что «каждый памятник является для страны безмолвным свидетелем прошлого, хотя бы и мрачного, и поставлен в назидание нашему потомству». Авторы возвания выражали уверенность, что «разумный революционный народ твердо знает свои великие задачи, направленные к созданию величия родины, а не разрушения ее исторических богатств» [4, 8 апр.].

4 апреля, месяц спустя после первых событий Февральской революции в Гельсингфорсе, состоялся парад войск. Он был посвящен памяти рабочих, расстрелянных на Ленских золотых приисках в 1912 г., и должен был ознаменовать месяц со дня свержения монархии. Парад начался на Торговой площади у обелиска императрице, с которого был сброшен двуглавый орел. Обелиск украсили флагами с надписями «Свобода» и «Да здравствует демократическая республика» [4, 7 апр.]. Изъ-

ятие элемента памятника изменяло его идею, становилось «обращением» одной культуры к другой [26, с. 21–22]. Капитан 2-го ранга И. И. Ренгартен записал в своем дневнике: «Толпа на базарной площади сбила с памятника обелиска на базарной площади, поставленного финнами, орла и заодно часть камня» [2, с. 20 об]. Чудом уцелевший символ монархии впоследствии был обнаружен в Свеаборгском порту и уже в годы независимости Финляндии восстановлен на прежнем месте как память о «российском» периоде финляндской истории.

Прежняя имперская идея трансформировалась в идею общенародного достояния новой свободной России, в соответствии с которой солдатам и матросам предстояло по-новому выстраивать отношения с бывшими имперскими символами. Эти символы, ставшие чужими, предстояло заново осваивать, приспособив к изменившейся социокультурной среде.

Как и ритуал похорон «жертв революции» 17 марта, парад революции должен был дать российским военнослужащим и рабочим почувствовать свое единство и слитность с финляндским рабочим движением. С каждого корабля 1-й бригады линкоров в нем приняло участие по 125 матросов при трех офицерах, все желающие, за исключением вахтенных, в этот день списывались на берег [12, с. 166]. 2-я бригада линейных кораблей и крейсера послали на праздник по 100 человек от корабля, миноносцы, заградители, тральщики и более мелкие суда были представлены общей делегацией в полтысячи человек, сухопутные войска, пехота, артиллерия, инженерные войска делегировали по 20 представителей от каждой строевой роты. Участники парада разделились на четыре колонны, возглавлявшиеся офицерами штаба, в каждую, помимо моряков, солдат и казаков, входило около сотни представителей рабочих Свеаборгского порта и по 50 бойскаутов. Во время движения колонн оркестры исполняли

«Марсельезу» и «Интернационал». Кораблям предписывалось «расцветиться флагами», казармы также украшались «зеленью и флагами». Несмотря на предосторожности военного времени, на кораблях и казармах вплоть до самого вечера была включена иллюминация. Гельсингфорский Совет обратился к финляндским властям с предложением, чтобы «город примкнул к иллюминации», а городское правление «украсилось всевозможными флагами» [4, 1 апр].

Праздник революции, как и траурная церемония 17 марта, актуализировал связь с участниками рабочего движения в царской России. Жестоко подавленное выступление в Сибири, состоявшееся в «прежнюю» эпоху на огромном удалении от имперского центра и от Финляндии, в 1917 г. воспринималось российскими военными в Гельсингфорсе как образец протестных действий, достойный подражания и сакрализации подобно Свеаборгскому восстанию 1906 г.

Высшей сакральностью были отмечены не только те точки имперского пространства, где совершался символический переход от старого к новому, но и моменты времени, в которые это происходило. Вот почему неперемное условие проведения торжественного шествия — 4 апреля — определялось не только тем, что на следующий день в Гельсингфорсе намечалось выступление финских металлистов, требовавших введения 8-часового рабочего дня, и российским военнослужащим необходимо было солидаризироваться с этими требованиями.

Праздник выпал на будний день, Союз офицеров-республиканцев настаивал, чтобы исполком Совета перенес его проведение на ближайшие выходные. Такое предложение мотивировалось важностью бесперебойных «работ на оборону» [4, 5 мая]. Однако праздник перенесен не был, несмотря на то что большинство его участников поддерживали призывы к «дружной работе ради продолжения войны». Не все

участники парада представляли, сколько лет прошло со времени трагических событий на Лене. В выступлениях депутатов Совета при подготовке «праздника революции» и в речах ораторов на митинге иногда упоминалась «десятилетняя годовщина со дня расстрела». Проведение праздника не было продиктовано намерением отметить точную дату, сохраняемую коллективной памятью, а связывалось с возможностью использовать механизмы социализации, воспитания и приобщения военнослужащих к новой культуре, имеющей свою историю и мифологию.

Для установления новой групповой идентичности необходимо было именно 4 апреля напомнить о совершившемся месяце назад политическом перевороте — ситуации, экстремальной для населения великокняжеской столицы и российских матросов, солдат и офицеров. Колонны участников парада собирались в пунктах, наделавшихся особым значением. Это были Сенатская и Вокзальная площади, Брунспарк, Сандвикская площадь в конце ул. Бульварной. Последняя считалась «русским местом» благодаря располагавшемуся поблизости старейшему пивоваренному заводу Синебрюховых. Центром притяжения многолюдных потоков стала Торговая площадь, где находились главные официальные символы низвергнутой власти — Мариинский дворец, дом генерал-губернатора и подвергшийся глумлению Обелиск императрице. Здания, с начала марта являвшиеся объектами притязания победителей, месяц спустя уже воспринимались ими как «штаб революции».

Незадолго до проведения праздника представитель реквизиционной комиссии Исполкома Гельсингфорсского Совета доложил депутатам о согласии вновь назначенного Финляндского генерал-губернатора предоставить Исполнительному комитету здание царского дворца на Северной Эспланаде. Вслед за этим поступило разъяснение, что генерал-губернатор не может

им распоряжаться, поскольку «дворец не принадлежит русскому правительству». Депутаты обратились к финляндскому сенату с просьбой освободить здание, взяв под свою ответственность хранящиеся в нем драгоценности, а дворец — передать Исполкому [4, 28 марта и 5 мая].

Ходатайство было удовлетворено, однако символ имперской власти не мог войти в систему новых общественных ценностей без «переворачивания» — унижения его прежнего статуса. «Известия» Совета сообщили, что финляндские власти перевели Временный военный госпиталь, размещавшийся во дворце, в другое место, но после этого в опустевшем здании «всюду обнаружена страшная грязь, много вещей и ценной мебели попорчено и расхищено», в частности, «не находят ценного серебряного подноса». Свидетельством символического падения дворца как воплощения былого имперского величия стало упоминание о том, что в комнате, расположенной под тронным залом, «в течение трех месяцев содержались свиньи, а в одной из ванных комнат помещались куры» [4, 1 апр.].

Ко времени проведения «парада революции» Мариинский дворец уже не должен был считаться «нечистым местом» городского пространства, и его вовлечение в праздничное действо как раз и предполагало ритуальное «очищение» поруганной святыни. Здание, где начал работу исполнительный комитет Совета, украшал флаг исполкома и другие знамена, в течение всего праздника перед дворцом играл оркестр. Возле Свеаборгского павильона на пристани возвышалась трибуна, убранная кумачовыми флагами, лозунгами «Земля и воля», «Война за свободу», «Да здравствует демократическая республика!», а также «аллегорической картиной», изображавшей рабочего, солдата и матроса, которые, попирая «разломанную корону», приветствовали Свободу [4, 7 апр.].

Предыдущие шествия осваивали пространство города «по горизонтали», включая передвижение на автомобилях. «Праздник революции» примечателен тем, что в нем сочетались элементы парада и похоронного ритуала (минута молчания, речи и траурные марши в память погибших во время Ленских событий), а также тем, что городское пространство осваивалось в буквальном смысле слова «по вертикали». В разгар торжеств над Торговой площадью появился аэроплан с красным флагом, в течение трех часов он «совершал красивые эволюции» перед «войсками и народом», опускаясь «почти до высоты крыш, окружавших площадь домов». С земли можно было видеть пассажиров, которые под крики «ура» «с энтузиазмом махали шапками», а летчик просигналил ракетами.

Свойственный ритуалу эмоциональный подъем, связанный с небывалым зрелищем, сплавивал участников парада и зрителей. Они ощущали себя единым целым, а происходившее — не только временем отдыха и досуга, но и событием, контрастирующим с привычной повседневностью, с обыденным трудом. «Какой восторг! — писал очевидец, — прожить такой день, тогда не жалко помереть. После такой трехсотлетней тирании настоящее кажется сказочным» [4, 7 апр].

На смену прежним ценностям, ассоциировавшимся с рухнувшей империей, пришел образ «братской семьи народов», которые слали привет собравшимся. Митинг проходил под руководством лидеров социал-демократов и эсеров. Член исполкома Совета и эстонского землячества В. Мазик назвал совершившееся «Великой второй российской революцией». Среди выступавших были «престарелый финн — герой Свеаборгского восстания», представитель Кронштадтского гарнизона, делегат с фронта, офицер-республиканец и только что вернувшийся с заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депута-

тов председатель исполкома Гельсингфорского Совета писатель С. А. Гарин (Гарфельд). К участникам праздника обратился член исполкома эсер прапорщик К. Термикелов. Он сравнил гнет свергнутого царизма с гнетом «татарского ига» и выразил уверенность в том, что русский народ «поможет всему миру и всем народам избавиться от угнетателей и правителей». Ссылаясь на полученное письмо с Кавказа, оратор заверил, что «все народности: армяне, татары, грузины шлют свой низкий поклон» русским братьям, «которые, наконец, добыли им свободу». Контур рухнувшей империи заменялись очертаниями будущей демократической республики, ведущей «к социализму, торжеству правды и справедливости, братству всех народов, населяющих Россию» [4, 9 апр]. Уверенность в том, что «русская революция сбросит и трон императора Вильгельма, всех царей, всех притеснителей, всех угнетателей во всем мире, потому что Русская революция опирается на величие русского сердца», выразил участник Свеаборгского восстания журналист Ж. Болдт. Вдохновленные провозглашенными им лозунгами свободы, равенства, братства, социалистической республики и гибели капитализма, участники парада прокричали Болдту «ура», а матросы на руках внесли оратора в здание бывшего царского дворца. Традиция освящения «чужого» пространства, уже продемонстрированная в первые дни революции в Гельсингфорсе, была продолжена.

Зданиями, отмеченными «повышенной семиотичностью», стали и Народный дом финских рабочих организаций в Сернесе (Рабочий дом), и русский Александровский театр, где проходили общие собрания Совета. Во время манифестации военнослужащих-украинцев 16 апреля 5–6 тысяч ее участников в сопровождении двух оркестров двинулись к зданию театра. Члены Исполкома «тепло приветствовали демонст-

рантов» и заявили, что «отныне Россия даст свободу и автономию всем народностям, живущим в ней, что к прежнему возврата нет и что они будут всеми средствами поддерживать самоопределение Украины» [4, 20 апр]. Значимость происходящего подчеркивалась клятвой депутатов, которые целовали знамя Украины. Кульминация ритуала-шествия произошла в самой «священной» точке «переосмысленного» городского пространства — в месте нахождения новой революционной власти. Именно здесь украинцы засвидетельствовали перед избранными в исполком делегатами — «как перед всем Великорусским народом» — готовность «сложить свои буйные головы за счастье и процветанье Российской Федеративной республики».

Разрушение целостности восприятия привычного мироустройства, возникавшее в связи с провозглашением самоопределения народов, заставляло преодолевать вызванный этим «семиотический хаос» и создавать вместо прежней имперской системы ценностей новую, «федеративную». Этому подчинялось и стремление к совместному освоению города военными и финскими рабочими во время митингов на Сенатской площади, подобным тому, что состоялся 5 апреля. В этот день 20-тысячный митинг военных собрался в поддержку манифестации финнов, предъявивших ультиматум союзу предпринимателей. По свидетельству одного из руководителей гельсингфорских большевиков В. Н. Залежского, среди его участников преобладали матросы, «настроение было сильно повышенное», звучали «речи финских рабочих к матросам, речи наших ораторов», началось братание русских с финнами. «Волнующая импульсивная матросская масса резко контрастировала с внешне спокойными, хладнокровными финнами. Казалось, что не финны борются, а матросы... Стоять, слушать речи и внешне спокойно дожидаться

часами того результата, который примет союз хозяев, как это делали финны, — нашим матросам было совсем не по нутру. Их настроение и воля рвались к действию» [7, с. 126–127].

Наряду с этническим образом финнов, сложившимся у русских военных, и собственным автостереотипом, зафиксированным автором, воспоминания В. Н. Залежского примечательны и упоминанием еще одного важного места в системе политических топографий Гельсингфорса — Народного дома. Вечером того же 5 апреля «в ограде рабочего дворца» состоялся большой митинг, «ибо трехтысячный зал не мог вместить всех желающих». В числе выступавших были и русские, и финны. Отмечая успех влияния большевиков на военнослужащих, Залежский подчеркнул, что их оппоненты из организаций меньшевиков и эсеров «как-то незаметно исчезли с улиц и площадей, которые остались уже безраздельно в распоряжении работников Гельсингфорского комитета РСДРП» [7, с. 128].

Вне зависимости от степени достоверности этого утверждения оно свидетельствует о той роли, которую партийные коллективы отводили «присвоению» городского пространства. Оно становилось аренной противоборства, где продолжалось символическое размежевание с политическими противниками.

Одновременно с попытками участников митингов и демонстраций разделить по этническому признаку или по партийной принадлежности весной наблюдалось стремление военнослужащих к «снятию» оппозиции между отдельными отрядами сторонников революционного переустройства бывшей Российской империи. Вслед за «братанием» русских с финнами или с украинцами эту же цель преследовало и проведение совместного шествия по улицам и площадям Гельсингфорса в день праздника 1 мая (18 апреля ст. ст.). Ини-

циатива проведения манифестации принадлежала финским социал-демократам, которые разработали ее план и порядок следования колонн вместе с представителями организаций социалистических партий и депутатами Совета. В отличие от ранее проводившихся шествий, первомайская манифестация, спланированная финнами, не ограничилась прохождением из периферийных районов города к центру и не предполагала движения демонстрантов мимо бывшего царского дворца.

Сборным пунктом русских участников шествия стала Сандвикская площадь, а финские рабочие начали движение с Вокзальной. По свидетельству очевидца, Сандвикская площадь представляла особенно красивое зрелище благодаря сотням знамен и транспарантов красного цвета, среди которых выделялись плакаты «Сеятель» и «Единение», а также знамя Гельсингфорсского отделения Петроградского сталелитейного Обуховского завода [4, 18 и 20 апр.].

Обе колонны по четыре человека в ряд двигались к месту встречи на углу Северной Эспланады и Михайловской ул., где выстроились параллельно и направились на Спортивный плац в отдаленном районе в Дьюргордене. Как и во время предыдущих ритуальных прохождений по улицам Гельсингфорса, шествие 1 мая символизировало объединение «полюсов» городского пространства, смешение парадного «верха» и «низа» окраины и демонстрировало отказ от противопоставления разноэтничных групп горожан и военнослужащих. Стремление к расширению «своего» пространства в ситуации смены прежних общегосударственных ценностей прослеживается и в совместном освоении финляндцами и россиянами таких «непредставительских» с точки зрения имперской семиотики мест, каким был Спортивный плац. Для финляндцев же, имевших, по наблюдениям военных, «врожденную склонность» к охоте

и спорту [3; 5, 13 апр], это пространство являлось весьма значимым.

Выстроившись на плацу у заранее приготовленных трибун, участники манифестации прослушали выступления ораторов-социалистов (по два представителя от социал-демократов, эсеров и Социал-демократической партии Финляндии) и такими же стройными колоннами двинулись обратно в город. Отличительная черта финского национального характера — стремление упорядочивать окружающий человека мир, отмечавшееся почти всеми русскими путешественниками, посетившими Финляндию [27, с. 83–95], — проявилась в детальном планировании финскими рабочими первомайского шествия и в неуклонном соблюдении намеченного. Организованное движение по финляндской столице должно было противопоставить «хаосу» мартовских потрясений демонстрацию единодушия и дисциплины сторонников нового порядка в стране.

Первомайская демонстрация произвела сильное впечатление на В. Н. Залежского именно благодаря своей «стильности» и «классовой определенности». Ему импонировало то, что в этот день «резко и ясно выявились два непримиримых мира — буржуа и пролетарии», тогда как в российской столице в течение марта и в начале апреля «все дома наряжались в красный цвет», а «буржуа и обыватели разукрашивались ленточками и бантами» [7, с. 134].

Улицы и площади Гельсингфорса вновь превращались в сцену, на которой разные общественные силы оказывались символически разведены не только в пространстве, но и во времени. По случаю старинного студенческого праздника, отмечавшегося первого мая, владельцы ресторанов, кофеен и кондитерских заранее объявили, что торговля в этот день производиться не будет, содержатели наемных автомобилей и легковые извозчики по постановлению своих цеховых организаций опо-

вестили о прекращении работы, трамвайное движение возобновилось лишь в 3 часа дня [4, 18 апр].

Залежского радовало и то, что вплоть до возвращения манифестантов с плаца улицы оставались пустынными: «буржуа и обыватель сидели дома», город имел «какой-то строгий вид», «казалось, что сами дома буржуазии насторожились и с какой-то скрытой тревогой смотрели на демонстрирующие колонны рабочих». В то время, когда «в затихшем городе спокойно и мерно раздавались шаги рабочих колонн», а затем в исполнении оркестров зазвучали «Масельеза» и «Интернационал», подхваченные демонстрантами, «буржуазный мир терпеливо дожидался, когда рабочие закончат свой праздник» [4, 18 апр.].

Зато вечером особый символический смысл приобрело альтернативное празднование «буржуазией своего 1 мая, традиционного праздника весны»: «улицы сразу оживились, приобрели какой-то нарочно подчеркнутый, игривый вид, так не свойственный обычно финскому городу». В вечернем городе, увиденном глазами боль-

шевистского лидера, «буржуазия, казалось, веселится напоказ, пряча скрытую тревогу перед только что прошедшей рабочей демонстрацией, и, внешне бравируя, хочет подчеркнуть, что ей не страшно, что она беззаботно веселится» [4, 18 апр.].

В заключение следует отметить, что прежнее противостояние «имперского / финляндского» в политической топографии Гельсингфорса усиливалось новой оппозицией «буржуазного / демократического», и эта оппозиция проявлялась как на уровне символического пространства, отделявшего «центр» города от его «окраин», так и на уровне ритуала-шествия, в который вовлекались «свои» и которым отторгались «чужие».

В контексте событий, осмысливавшихся как символически переходные, поведение людей — групповое, индивидуальное или на уровне лидеров — было повышено семиотичным. Поэтому и особый смысл покушения на завоеванное пространство и восстановления того, «что было прежде», военнотружущие усматривали в привычных картинах повседневной жизни городского центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКИ

Источники

1. РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120.
2. РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 200.
3. Kansallisarkisto (национальный архив Финляндии) Ф. «Русские военные бумаги». Д. 11970.
4. Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии флота и рабочих Гельсингфорс, 1917.
5. Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции Або, 1917.
6. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. докум. М.; Л., 1957.
7. Залежский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 17.
8. Звонарев Г. Л. Наши пехотные части в дни революции в Гельсингфорсе: из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского. Гельсингфорс, 1917.
9. «Милая химера в адмиральской форме»: Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку 18 июня 1916 — 17–18 мая 1917 гг. СПб., 2002.
10. Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.
11. Hultin T. Päiväkirjani kertoo: 1914–1918. Helsinki, 1938.

Использованная литература

12. *Бажанов Д. А.* Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы V ежегодной междунар. науч. конф. СПб., 2004.
13. *Байбурин А. К.* Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые средства культуры. М., 1991.
14. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
15. *Бочаров В. В.* Власть и символ // Символы и атрибуты власти: Генезис. Семантика. Функции. СПб., 1996.
16. *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998.
17. *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.) Петрозаводск, 1992.
18. *Дубровская Е. Ю.* Символическое присутствие империи в финляндской столице и трансформация городской символики Гельсингфорса в 1917 г. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006.
19. *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны: представления, контакты, противоречия // Исторические записки. М., 2005. № 8 (126).
20. *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008.
21. *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005
22. *Колоницкий Б. И.* Изобретения революционной традиции: случай Петрограда // VI World Congress for Central and East European Studies. Divergencies, Convergencies, Uncertainties. Abstracts. Tampere, 2000.
23. *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.
24. *Колоницкий Б. И.* Политические топографии Петрограда и революция 1917 г. (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124).
25. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.
26. *Лурье В. Ф.* Памятник в текстах современной городской культуры // Живая старина. 1995. № 1.
27. *Лурье С.* Финляндия: от магии пения к магии порядка // Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). СПб., 1994.
28. *Ошеров Е. Б.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.
29. *Полвинен Т.* Держава и окраина: Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997.
30. *Попов В. А.* Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: Генезис. Семантика. Функции. СПб., 1996. С. 9–14.
31. *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы VIII ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2007.
32. *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.
33. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997.

REFERENCES

Istochniki

1. RGA VMF. F. R-315. Op. 1. D. 120.
2. RGA VMF. F. R-29. Op. 1. D. 200.
3. Kansallisarkisto (national'nyj arhiv Finljandii) F. «Russkie voennye bumagi». D. 11970.
4. Izvestija Gel'singfors'skogo Soveta deputatov armii flota i rabochih Gel'singfors, 1917.

-
5. Izvestija Soveta deputatov armii, flota i rabochih Abo-Olandskoj ukreplenoj pozicii Abo, 1917.
 6. Baltijskie morjaki v podgotovke i provedenii Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii: Sb. dokum. M.; L., 1957.
 7. *Zalezhsij V. N.* Gel'singfors vesnoj i letom 1917 g. // Proletarskaja revoljucija. 1923. № 17.
 8. *Zvonarev G. L.* Nashi pehotnye chasti v dni revoljucii v Gel'singfurse: iz lichnyh vpechatlenij unter-officera Sveaborgskogo pehotnogo polka, vydelennogo iz 428-go Lodejnopol'skogo. Gel'singfors, 1917.
 9. «Milaja himera v admiral'skoj forme»: Pis'ma A. V. Timirevoj A. V. Kolchaku 18 ijunja 1916 — 17–18 maja 1917 gg. SPb., 2002.
 10. *Timirev S. N.* Vospominanija morskogo oficera. SPb., 1998.
 11. *Hultin T.* Päiväkirjani kertoo: 1914–1918. Helsinki, 1938.

Literatura

12. *Bazhanov D. A.* Matrosy i bereg: 1-ja brigada linejnyh korablej Baltijskogo flota v Gel'singfurse (1914–1917 gg.) // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy V ezhegodnoj mezhdunar. nauch. konf. SPb., 2004.
13. *Bajburin A. K.* Ritual v sisteme znakovyh sredstv kul'tury // Jetnoznakovye sredstva kul'tury. M., 1991.
14. *Bajburin A. K.* Ritual v tradicionnoj kul'ture. SPb., 1993.
15. *Bocharov V. V.* Vlast' i simvol // Simvol'y i atributy vlasti: Genezis. Semantika. Funkcii. SPb., 1996.
16. *Glebkin V. V.* Ritual v sovetskoj kul'ture. M., 1998/
17. *Dubrovskaja E. Ju.* Gel'singfors'skij Sovet deputatov armii, flota i rabochih (mart—oktjabr' 1917 g.). Petrozavodsk, 1992.
18. *Dubrovskaja E. Ju.* Simvolicheskoe prisutstvie imperii v finljandskoj stolice i transformacija gorodskoj simboliki Gel'singforsa v 1917 g. // Otechestvennaja istorija i istoricheskaja mysl' v Rossii XIX–XX vekov: Sb. statej k 75-letiju A. N. Camutali. SPb., 2006.
19. *Dubrovskaja E. Ju.* Rossijskie voennosluzhashchie i naselenie Velikogo knjazhestva Finljandskogo v gody Pervoj mirovoj vojny: predstavlenija, kontakty, protivorechija // Istoricheskie zapiski. M., 2005. № 8 (126).
20. *Dubrovskaja E. Ju.* Rossijskie voennosluzhawie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny. Petrozavodsk, 2008.
21. *Klinge M.* Imperskaja Finljandija. SPb., 2005.
22. *Kolonickij B. I.* Izobrenenija revoljucionnoj tradicii: sluchaj Petrograda // VI World Congress for Central and East European Studies. Divergencies, Convergencies, Uncertainties. Abstracts. Tampere, 2000.
23. *Kolonickij B. I.* Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu. SPb., 2001.
24. *Kolonickij B. I.* Politicheskie topografii Petrograda i revoljucija 1917 g. (Nevskij prospekt) // Istoricheskie zapiski. M., 2003. T. 6 (124).
25. *Kolonickij B. I.* Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda. SPb., 2001.
26. *Lur'e V. F.* Pamjatnik v tekstah sovremennoj gorodskoj kul'tury // Zhivaja starina. 1995. № 1.
27. *Lur'e S.* Finljandija: ot magii penija k magii porjadka // Metamorfozy tradicionnogo soznanija (opyt razrabotki teoreticheskikh osnov jetnopsihologii i ih primenenija k analizu istoricheskogo i jetnograficheskogo materiala). SPb., 1994.
28. *Osherov E. B.* Finljandskaja politika carizma na rubezhe XIX–XX vv. Petrozavodsk, 1986.
29. *Polvinen T.* Derzhava i okraina: N. I. Bobrikov — general-gubernator Finljandii. 1898–1904. SPb., 1997.
30. *Popov V. A.* Simvol'y vlasti i vlast' simvolov // Simvol'y i atributy vlasti: Genezis. Semantika. Funkcii. SPb., 1996. S. 9–14.
31. *Smolin A. V.* Vosstanie v Gel'singfurse i ubijstvo vice-admirala A. I. Nepenina // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy VIII ezhegod. mezhdunar. nauch. konf. SPb., 2007.
32. *Chernjaev V. Ju.* Rossijskoe dvoevlastie i process samoopredelenija Finljandii // Anatomija revoljucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'. SPb., 1994.
33. *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997.